

КЛАССИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

лучшее

ЧИНГИЗ-ХАН И ЧИНГИЗИДЫ

СУДЬБА И ВЛАСТЬ

Династия Чингизидов ~ Поход в Туркестан
Золотая Орда ~ Казахское ханство

Турсун СУЛТАНОВ

Классика исторической литературы. Лучшее

Турсун Султанов

**Чингиз-хан и Чингизиды.
Судьба и власть**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 94(517.3)
ББК 63.3(5Мон)

Султанов Т. И.

Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть / Т. И. Султанов —
«Издательство АСТ», 2021 — (Классика исторической литературы.
Лучшее)

ISBN 9965-9522-8-0

В результате завоевательных войн и череды военных побед Чингизидов – прямых потомков Чингиз-хана – к 1260 г. образовалась самая обширная и могущественная империя из всех мировых империй, простиравшаяся от Желтого моря – на востоке до Дуная и Евфрата – на западе. Известный тюрколог профессор Турсун Султанов детально исследует политическую историю династии Чингизидов, от основателя монгольской империи Чингиз-хана до его потомков, сидевших на престолах Золотой Орды, Чагатайского улуса и Моголистана. Книга охватывает события с XIII по XVII в., прослеживая практику престолонаследия в империи Чингиз-хана и в государствах, возникших в результате ее распада. Автор показывает, насколько важна судьба наследия и наследников Чингиз-хана для истории России и какая особая роль принадлежит представителям «золотого рода» в истории современных тюркских народов Центральной Азии, Поволжья и Северного Кавказа. Впервые в отечественной историографии публикуется аннотированный список имен Чингизидов (около 700 исторических персонажей). В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(517.3)
ББК 63.3(5Мон)

ISBN 9965-9522-8-0

© Султанов Т. И., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Раздел I	7
Глава 1	7
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Турсун Султанов

Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть

© Султанов Т.И., текст, 2005, 2017

© Почакаев Р.Ю., аннот. список имен, 2005

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Раздел I

Династия Чингизидов и практика престолонаследия

Глава 1

Начало династии Чингизидов

В один из дней одна тысяча сто пятьдесят пятого года в урочище Делиун-Балдах, на правом берегу реки Онона, в юрте супружеской четы Есугей-бахадур из монгольского племени кият-борджигин и Оэлун-фуджин (хатун) из рода олкунут (ветвь племени кунграт) родился мальчик, сжимая в ладони правой руки сгусток запекшейся крови, похожей на кусок сохшейся печени. Молодые родители нарекли своего младенца-первенца Темучином. У Оэлун-хатун и Есугей-бахадур родилось еще три сына – Хасар, Хачиун, Темуге-Отчигин (Отчигин) – и одна дочь по имени Темулун. От другой жены у Есугей-бахадур родились сыновья по имени Бектер и Бельгутаи.

Когда Темучину исполнилось лет девять-десять, его молодой отец скончался, отравленный своими врагами, буир-норскими татарами. Большинство родичей и подчиненных Есугей-бахадур предательски отвернулось от его семьи, и Темучин, его мать Оэлун и братья вынуждены были жить охотой и рыбной ловлей. В обстановке постоянных измен, насилия и убийств Темучин проникся жестокостью даже к близким людям. Однажды из-за детской пустячной ссоры он вместе со своим младшим братом Хасаром в упор пронзил стрелами своего сводного брата Бектера. Когда они, бросив бездыханное и окровавленное тело Бектера на холме, вернулись домой, их мудрая мать Оэлун сразу все поняла и так порицала своих сыновей: «Душегубцы, – гневно закричала она. – Недаром этот вот яростно из утробы моей появился на свет, сжимая в руке своей комок запекшейся крови» (*Сокровенное сказание*, с. 90).

Именно ему, запачканному кровью «душегубу» Темучину, было суждено прославить не только свою семью, свой род, но и весь монгольский народ.

Река времени течет стремительно. Пронеслась, промчалась вереница лет, унося в безвозвратную даль отрочество и юность, и вот возмужалый Темучин уже предводитель кочевников и водит многотысячную рать по степям Центральной Азии, нанося одно поражение за другим своим врагам. За военные доблести и выдающийся ум монгольские роды и племена дважды, около 1189 г. и в 1206 г., провозглашали Темучина ханом и дали ему титул «Чингиз-хан», совершенно вытеснивший его личное имя.

Значение титула «Чингиз-хан» до сих пор точно не установлено. По мнению ряда востоковедов, титул *чингиз* является палатализованной формой тюрко-монгольского слова *тенгиз* — море, океан; и композит «чингиз-хан», соответственно, означает «хан-океан», т. е. «Владыка вселенной», «Всемирный хан»¹.

Чингиз-хан отличался не только личной отвагой и острым умом, но также сильным характером и исключительной целеустремленностью: достигнув поставленной цели, он всегда стремился к другой, более высокой. Став в 1206 г. ханом объединенной Монголии, свои военные таланты он использовал против внешних врагов. Судьба и тут благоволила ему во всем. Оканчивая каждую войну доблестно и удачно, к 1224 г. Чингиз-хан распространил свою власть от Северного Китая до Средней Азии включительно.

Чингиз-хан умер в августе 1227 г., но экспансия монголов не прекратилась. Дела полководческого гения Чингиз-хана, создавшего *Еке Монгол улус* («Великое Монгольское государство» – так стало называться государство Чингиз-хана с 1211 г.), успешно продолжили его

наследники. В результате завоевательных войн и череды военных побед Чингизидов (мужских потомков основателя монгольской династии Чингиз-хана) к 1260 г. образовалась самая обширная и могущественная империя из всех мировых империй, простиравшаяся от Желтого моря – на востоке до Дуная и Евфрата – на западе. Естественно, что Монгольская империя, объединившая под своей властью множество племен и народов, стран и государств Дальнего Востока, Передней Азии и Восточной Европы, не могла просуществовать долго. Уже к концу шестидесятых годов XIII в. Монгольская империя распалась на четыре улуса-государства, каждое из которых возглавляли ханы – потомки Чингиз-хана. Но прежде чем перейдем к изложению истории этих четырех улусов-государств и судьбы монголов в покоренных ими странах, слово о женах Чингиз-хана и о «золотом роде», представители которого входили в правящую династию.

Рашид ад-Дин, автор знаменитого «Сборника летописей», где представлена официальная версия истории Монгольской империи, утверждает, что Чингиз-хан имел до пятисот жен и наложниц. Но только пять из них были главными женами: 1) Борте из племени кунграт; 2) Кулан из племени меркит; 3) Есукат из племени татар; 4) Гунджу, дочь Алтан-хана, государя Китая; 5) Есулун, сестра упомянутой выше Есукат, также из племени татар. Из их числа только одна, а именно Борте, «была самой почтенной и старшей» (*Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 68–71).

В мусульманских источниках, составленных в XIII–XIV вв., жены Чингиз-хана и Чингизидов носят почетные женские титулы *хатун* («ханша», «госпожа») и *бики* (или *биге*), главные жены – *хатун-и бузург* («старшая госпожа»), а старшая жена – *хатун-и бузургар* (*ин*) («Великая госпожа»). В сочинениях более поздних мусульманских авторов, писавших о чингизидских улусах, к царице и принцессам крови наряду с титулами *хатун* и *биге* прилагаются также слова *ханум* и *султан*.

В донесении Бенедикта Поляка, участника францисканской миссии 1245 г., отражены сведения о браках рядовых кочевников и монгольской знати: «Они имеют столько жен, сколько могут содержать. В целом же они их всех покупают, поэтому они [жены] являются словно их собственностью, кроме знатных. И они берут себе в жены безразлично [кого], исключая мать, дочь и сестру от той же матери. После смерти отца берут в жены мачеху и вдову брата [берет в жены] младший брат или [другой] родственник» (НТ, § 49). По словам Марко Поло, всякий монгол «берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать. Приданное отдается матери жены, а жена мужу ничего не приносит. Первую жену они, знаете, почитают за старшую и самую милую» (*Марко Поло*, с. 88). Действительно, многоженство было обычным явлением у монголов; в частности, у Чингизидов общее число жен достигало нескольких десятков, из них в среднем от двух до восьми жен были главными и лишь одна из главных жен была старшей. При определении ранга жен фактор времени брака, конечно, играл преимущественную роль, но часто, как показывают исторические примеры, старшинство давалось жене по ее знатности или потому что муж «ее крайне любил» (*Рашид ад-Дин*. Т. 3. С. 18, 65; *Муизз ал-ансаб*, л. 176 и др.).

Заключение Чингиз-ханом большого количества браков не может считаться, по справедливому замечанию Е. И. Кычанова, признаком сексуальной мощи. В большинстве своем эти браки носили чисто политический характер, укрепляя связи Чингиз-хана с различными монгольскими родоплеменными группами и элитой покоренных стран². Среди тюрко-монгольских племен было несколько родов, которые имели преимущественное право поставлять девушек для рода Чингиз-хана. Одним из таких брачных партнеров рода Чингиз-хана с давних времен было племя кунграт. Согласно монгольской эпической хронике 1240 г., у кунгратов была даже своя песня:

Мы, унгиратское племя,
С давних времен знамениты

Красою и статностью дев...

Сокровенное сказание, с. 133.

Когда Темучин стал всемонгольским ханом, традиция, по которой его род обменивался невестами с кунгратами, была официально узаконена. Был издан императорский указ Чингиз-хана, где, согласно «Юань ши», говорилось: «Когда в роде хун-цзи-ла (кунгират) рождаются девочки, они из поколения в поколение становятся императрицами; когда рождаются мальчики, они из поколения в поколение женятся на принцессах. Пусть непрерывно из поколения в поколение объявляют этот жалуемый указ в первую луну четырех времен каждого года» (цит. по: *Мэн-да бэй-лу*, с. 152, прим. 212).

Как показывает обзор генеалогической истории, кунграты сохранили за собой роль брачных партнеров мужских потомков Чингиз-хана на всем протяжении существования династии Чингизидов, и девушки этого племени были главными женами большинства монгольских ханов и принцев крови. Востоковед Ю. А. Зуев предлагает именовать кунгратов *хатунским племенем* в составе династийной коалиции монголов. С этим предложением следует согласиться.

Для обозначения наложниц Чингизидов и других знатных лиц монгольских улусов в мусульманских источниках обычно употребляется слово *кумма* (мн. ч. *куммайан*) и очень редко слово *суррий* (мн. ч. *суррийат*). Наложницами были обычно девицы-красавицы двух категорий: собственно монгольские девушки и юные пленницы из покоренных монголами народностей. Так, согласно предписанию Чингиз-хана, которое соблюдалось и его наследниками, по всей Монголии в начале каждого года (а иногда каждые два или три года) по племенам производили набор наиболее красивых девушек для самого государя и для принцев крови. После каждой победы в походах военачальники, выбрав луноликих девушек, захваченных в полон, приводили их к государю. Девушки, которых государь не пожелал оставить для себя, раздавались его женам (хатунам) или раздавались его родственникам и придворным (*Джувайни*, изд., Т. 1. С. 24; *Рашид-ад Дин*. Т. 3. С. 209–210)³.

Статус наложниц не был, однако, неизменным. По истечении какого-то времени наложницы хана, как водится, выдавались замуж, например, за эмира или другого сановника, а отдельные наложницы становились женами самого государя. Этот акт перехода *кумма* в ранг *хатун* в средневековых мусульманских источниках описывается обычно так: такой-то наложнице «возложили на голову *бугтак*, и она стала хатун». Бугтак – головное украшение замужних женщин; оно подробно описано в донесениях Иоанна де Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука, а также в книге Ибн Баттуты⁴.

В «Тарих-и Джахан-гушай-и» Джувайни (закончена в 1260 г.), в разделе «Сыновья Чингиз-хана», говорится, что старшей женой (*хатун-и бузургтар*) Чингиз-хана была Йусунджин-беки (в тексте источника ошибка: старшей женой Чингиз-хана была Борте-хатун), и утверждается, что, «по монгольскому обычаю, ранг детей от одного отца определяется в соответствии со степенью их матерей, так что детям старшей жены предоставляется определенное преимущество и первенство» (*Джувайни*, изд. Т. 1. С. 29).

Действительно, четыре сына Чингиз-хана, которые родились от его старшей жены Борте-хатун, пользовались большим почетом, чем остальные его дети; внук Чингиз-хана Хубилай (правил в 1260–1294 гг.) имел двенадцать сыновей, но из них влиятельнее были те четверо, матерью которых была Чабун-хатун, старшая жена Хубилай-хана. Есть и другие примеры, подобные приведенным.

Тем не менее не следует, видимо, генерализировать цитированное утверждение Джувайни: каждый такой случай различения ранга детей от одного отца имеет, как показывает исторический материал, свое объяснение (в частности, вопрос о рангах детей Чингиз-хана будет рассмотрен дальше). Степень матерей, конечно, определяла положение их детей. Но

такое правило сохраняло свою силу лишь до той поры, пока были живы их матери, да и степень матерей подчас резко менялась за супружескую жизнь. В целом же в монгольском обществе и, соответственно, в жизни Чингизидов действовало правило, согласно которому дети наследовали положение отца и отец сам определял степень своих детей. Эта особенность отмечена в донесении Иоанна де Плано Карпини, причем сведения получены им от людей, хорошо знавших монгольские обычаи: «Между сыновьями от наложницы и от жены нет никакой разницы, и отец дает каждому из них, что хочет. И если он из княжеского рода, то князем является и сын от наложницы, так же как и сын от законной жены» (LT, IV. 9)¹.

Это правило в целом сохранялось на всем протяжении существования царского дома Чингиз-хана в Азии, и сыны Чингизидов, рожденные от наложниц, и их мужские потомки с полным правом ввязывались в борьбу за власть и часто вступали на престол. Примеров тому в источниках много, но мы приведем только два рассказа.

У Джучи, старшего сына Чингиз-хана, было много жен (*хаватин*), пишет автор генеалогического сочинения «Муизз ал-ансаб». Наложниц (*куммайан*) же у него было бесчисленное множество, но поименно известны только две: «одна – Карачин-хатун, мать Бувала, а другая – Кагри-хатун из племени меркит, мать Тука-Тимура» (*Муизз ал-ансаб*, л. 18а). Примечательно здесь то, что сын *кумма* (наложницы) Тука-Тимур вкупе со своими сводными братьями Орда-Иченом, Бату, Берке, Шибаном и другими, рожденными от главных восьми жен Джучи-хана, не только принимал активное участие в создании государства Джучидов в Дешт-и Кипчаке и в решении других общеимперских дел своего времени, но впоследствии его потомки стали правителями в Золотой Орде, а затем в Крыму и Средней Азии; и эта ветвь династии Чингизидов получила в мусульманских источниках наименование *ханедан-и Тукайтимурийан* – «династия Тукайтимуридов» (*Бахр ал-асраф*. Т. 6. Ч. 3, л. 122б).

Ханы, правившие в Моголистане (Семиречье и Восточный Туркестан) и в Яркендском ханстве с середины XIV в. и до конца XVII в., были потомками Чагатаида Туглук-Тимура, матерью которого была наложница (подробнее см. Раздел II, глава 4).

Итак, все дети Чингизидов, как рожденные от супруги (*хатун*), так и прижитые от наложницы (*кумма*), считались законными и получали долю наследства в соответствии с порядком их рождения (старший сын, младший сын). Это положение важно для нашей темы, и мы еще вернемся к нему при рассмотрении вопроса о практике престолонаследия. Что же касается особого ранга сыновей Чингиз-хана от его старшей жены Борте, о чем пишет Джувайни, то это объясняется как важной ролью Борте-хатун в жизни Темучина – Чингиз-хана, так и деятельностью ее четырех славных сыновей.

Согласно официальной монгольской хронике 1240 г., Есугей-бахадур просватал Борте, дочь Дай-Сечена из племени кунграт, за своего старшего сына Темучина, когда тому было всего девять лет. По старинному монгольскому обычаю, Темучин в качестве жениха прожил в семье своей десятилетней невесты Борте какое-то время. Вскоре Есугей-бахадур погиб, но, несмотря на трагическую перемену в положении семьи жениха, Дай-Сечен выдал за Темучина свою дочь.

Испытывал ли Темучин любовь к Борте, мы не знаем. Но в течение всей долгой супружеской жизни встреченная еще в детстве Борте оставалась не просто первой женой, но и неизменно старшей женой Чингиз-хана, и он всегда относился к ней с чувством глубокого уважения и особой привязанности. В источниках Борте изображена как мудрая ханша и воспитательница; она, по словам самого Чингиз-хана, всегда «говорила дело».

Борте родила от Темучина четырех сыновей и пять дочерей. Имена ее сыновей: Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй. Согласно Рашид ад-Дину, от других жен у Чингиз-хана было еще четыре сына, а именно: Кулкан, Джаур, Джурчитай и Орчакан; последние три сына скончались

¹ Inter filium concubine et uxoris nulla est differentia, sed dat pater eorum unicuique quod vult; et, si est de genere ducum, ita est dux filius concubine, sicut est filius uxoris legitime (LT, IV. 9).

в детстве и у них не было детей; у Кулкана было четыре сына, а сам он погиб от боевых ран осенью 1237 г. (по другим данным, в январе 1238 г.) во время похода монголов на русские княжества при осаде Коломны. Чингиз-хан установил Кулкану «степень (*мартабэ*) четырех упомянутых старших сыновей»; однако судьба детей Чингиз-хана сложилась так, что «людьми особо авторитетными» и наиболее известными стали именно четверо его сыновей от кунгратки Борте (*Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 68–72; Т. 2. С. 38–39).

Ни один из них не унаследовал высоких дарований отца, но все четверо были людьми небездарными, дельными, энергичными. «Эти четыре сына Чингиз-хана, – сообщает автор «Джами ат-таварих», – были умны, исполнены достоинств и совершенны, отважны и мужественны, ценимы отцом, войском и народом. Государству Чингиз-хана они служили как четыре основных столпа. Каждому из них он уготовил государство и их называл *четырьмя кулуками*, а *кулуками* называют тех из людей, коней и прочих, которые выделяются, превосходят других и стоят впереди» (*Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 69–70).

После покорения государства хорезмшаха (1219–1224) Чингиз-хан выделил каждому из «четырех кулуков» особые земли, «называемые *йуртом*». В исторической литературе розданные Чингиз-ханом земельные владения с населением принято именовать уделами или *улусами*. Степень отдаленности улусов соответствовала при этом возрасту влиятельных сыновей; оттого Тулюю, младшему из четырех сыновей от старшей жены Борте-хатун, был назначен коренной йурт Чингиз-хана – Центральная Монголия, а также 101 тысяча из 129 тысяч человек монгольской регулярной армии. Свою долю наследства Тулуй получил лишь после смерти отца. Завоеванные территории к западу от Монголии были поделены между тремя старшими сыновьями. Угедею, третьему сыну Чингиз-хана от его старшей жены Борте, были назначены Западная Монголия с Тарбагатаем. Владения Чагатая, второго сына Чингиз-хана, включали Восточный Туркестан, большую часть Семиречья и Мавераннахр (междуречье Амударьи и Сырдарьи). Улус старшего сына Чингиз-хана, Джучи, занимал земли к западу от Иртыша и от границ Каялыка (в Семиречье) и Северного Хорезма до Нижнего Поволжья, т. е. все нынешние Казахские степи⁵⁶.

Мусульманских авторов XIII в., писавших о монголах, больше занимал феномен внезапного появления на исторической арене ранее неизвестных монголов, история быстрых и обширных завоеваний, а вопросы генеалогии монгольских ханов не получили у них достаточного освещения. Сказанное в полной мере относится к современникам монгольского нашествия на мусульманские страны – Ибн ал-Асиру и ан-Насави, писавших по-арабски. Много путаницы в этом вопросе и у персоязычных историков XIII в. Так, например, Джузджани в своем «Табакат-и Насири» (составлено в Индии в 1260 г.) ошибочно утверждает, что у Туши (т. е. Джучи, старшего сына Чингиз-хана) было четыре сына: старший по имени Бату, второй Чагата (так!), третий Шибан, четвертый Берке (The *Tabaqat-i Nasiri*. Vol. 1, p. 379). Иранский историк Джувайни, составивший между 1253–1260 гг. свой знаменитый «Тарих-и джахангусай», также приводит неточные и неполные сведения: у Туши, пишет он, было семь сыновей: Бамхал, Хорду, Бату, Шибакан (так!), Тангут, Берке и Беркечар (*Джувайни*, изд., Т. 1. С. 221–222). И у Джузджани, и у Джувайни перепутаны также имена главных и старших жен Чингиз-хана, действительное количество детей, порядок рождения его внуков и т. п.

Как передают достойные доверия повествования, пишет Рашид ад-Дин, у Джучи-хана «было около сорока сыновей и от них народилось несчетное количество внуков, но из-за дальности расстояния [Ирана от Улуса Джучи] и из-за того, что не нашлось ни одного знающего человека, все их потомки не выявлены и не установлены в точности». После этих слов в «Сборнике летописей» приводится «памятка» о тринадцати сыновьях Джучи и их известных потомках (*Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 65 и сл.). В «Муизз ал-ансаб», генеалогическом сочинении, составленном при дворе Тимуридов в 1426 г., приведены имена восемнадцати сыновей Джучи-хана (*Муизз ал-ансаб*, л. 186). У Чагатая было восемь сыновей. Угедей имел семерых сыновей. У

Тулуя, четвертого сына Чингиз-хана, было десять сыновей. У пятого сына Чингиз-хана по имени Кулкан, который родился от Кулан-хатун, дочери предводителя племени меркит, было четыре сына.

Таким образом, общее число мужских потомков Чингиз-хана достигло к концу его жизни, т. е. к 1227 г., примерно ста человек – это его пятеро сыновей, не менее сорока взрослых внуков и много дюжин подрастающих правнуков. История Монгольской империи после смерти ее основателя сложилась, однако, так, что только первые четыре сына Чингиз-хана от его старшей жены Борте, его «четыре кулука», стали родоначальниками царевичей и государей чингизидских улусов, т. е. прародителями *алтан уруга* («золотого рода»). Вот как это обстоятельство воспринято разведывательной миссией францисканцев 1246 г. Брату Иоанну известно о сыновьях Чингиз-хана следующее: «Имел он четырех сыновей. Одного звали Оккодай, второй звался Тоссук-хан, другого звали Чаадай, а имени четвертого мы не знаем. От этих четверых произошли все монгальские вожди» (LT, V. 20)². Имя Тулуя осталось неизвестным францисканцам в силу монгольского запрета называть и использовать имена умерших людей. Тулуй умер в 1232 г.

Из потомства братьев Чингиз-хана только потомки Хасара (Джочи-Касара) получили права царевичей; остальные вошли в состав аристократии (*Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 51). Известен случай, когда в 1336 г. на престол Табаристана (область на южном побережье Каспийского моря) был возведен потомок Хасара, по имени Тога-Тимур (*Муджмал-и Фасихи*, с. 62; *Хамдаллах Казвини*, с. 101, 137). Однако в действительности даже в самой Монголии на потомков Хасара смотрели косо, «как бы не совсем признавая, порой, их равноправными настоящими тайджи (царевичами)»⁷⁸.

Словом, с позиции политического сознания той эпохи, настоящими представителями *алтан уруга* были только Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй и их мужские потомки, рожденные как от законных жен, так и от наложниц или служанок. По мере естественного роста числа царевичей, дробления *алтан уруга* и распада империи образовалось несколько параллельных династий Чингизидов – династия Джучидов (правила в Золотой Орде), Чагатаидов (правила в Средней Азии и Восточном Туркестане), Хулагуидов (правила в Иране) и династия Юань (правила в Монголии и Китае).

В самой Монголии и в восточных областях Монгольской империи царевичей дома Чингиз-хана именовали *кобегун*, со времени монгольской династии Юань (1260–1368) – *тайджи*, словом, взятым из китайского языка⁹.

В западных улусах Чингизидов для обозначения принцев крови употреблялись совсем иные слова и титулы. В сочинениях мусульманских авторов XIII – начала XIV вв. первые Чингизиды обычно именуется *шахзаде*, *падишахзаде* («царский сын») или просто персидским словом *песар* (букв. «сын»), а для обозначения представителей династии Джучидов, Чагатаидов и Хулагуидов третьего, четвертого и последующих поколений употребляется уже тюркское слово *огул* или *оглан* (букв. «сын», «ребенок»), которое обычно ставится только после собственных имен принцев. С XIV в. наиболее употребительным титулом каждого представителя династии становится слово *султан*. Для нашей темы важно отметить, что в государствах Джучидов и Чагатаидов султанами называли и принцев крови, и принцесс; причем титул *султан* ставился как перед собственным именем его обладателя, так и после него.

Чингизиды составляли замкнутое высшее аристократическое сословие и своим юридическим положением резко выделялись среди остального населения страны, где они представляли правящую династию. Право быть провозглашенным ханом сохранялось только за представителями «золотого рода», для которых это право в силу его наследственности превратилось как

² Hic autem habuit quatuor filios. Vnus uocabatur Occoday, secundus uocabatur Tossuccan, alter uocabatur Chiaaday, et nomen quatri ignoramus. Ab hiis quatuor omnes duces Mongalorum descenderunt (LT, V. 20).

бы в естественно присущий им атрибут. Только «золотой род» давал инвеституру новому хану и принимал от него присягу. Только для представителей «золотого рода» и немногих вельмож был открыт доступ к Великой Ясе Чингиз-хана (собранию законов и приказов) и к Алтан-дафтар – «Золотому свитку» (официальной истории ханского рода Чингизидов), которые хранились в ханской сокровищнице (ни Великая Яса, ни Алтан-дафтар не сохранились до наших дней в полном объеме и известны лишь в пересказах и по упоминаниям). Представителя ханского рода можно было предать наказанию только с общего решения царевичей, и творить суд над Чингизидом мог только сам хан или старший в роде. Свои права и привилегии Чингизиды приобретали по праву рождения независимо от экономических обстоятельств, а также нравственных, умственных и физических качеств того или иного лица. Словом, Чингизидом можно было только родиться. Родство по женской линии с «золотым родом» не делегировало зятю никаких прав и привилегий Чингизидов, кроме почетного титула *гурган* – «зять ханского рода».

Чингизиды сохранили за собой свои особые права и сословные привилегии на всем протяжении существования их царского дома в Азии. Например, в XVIII–XIX вв. в Казахских ханствах, где сохраняли свою силу традиции и принципы политической идеологии степной государственности, султаны, представители политической элиты, не несли никаких повинностей, кроме военных. Все Чингизиды казахских улусов имели единую *тамгу* (знак собственности) и один особенный *уран* (пароль), выражаемый словом *аркар*; простой народ – *кара-суйек* – не мог использовать этот *уран*. Другие привилегии султанов перед другими членами общества заключались в том, что они были избавлены от телесных наказаний и не подлежали суду *биев* (родоначальников). Простые люди в разговоре не могли называть их по имени, но вместо имени должны были употреблять слово *таксыр* (господин). При встрече с султаном всякий простолюдин сходил с лошади и, становясь на одно колено, приветствовал его. Султан в ответ на приветствие клал ему на плечо свою руку и отвечал: *аманба*. Таким же образом поступали и в юртах. Одним из внешних признаков султанского достоинства считалась белая кошма. На общих собраниях и во всех остальных торжественных случаях все представители белой кости – султаны, саййиды и ходжи – садились только на белые кошмы. Если простолюдин присваивал себе из тщеславия титул султана, то подвергался наказанию от 15 до 30 ударов нагайкою. Если же человек черной кости, выдавая себя за носителя султанской крови, женился на султанской дочери или на другой его родственнице, то подвергался наказанию, выражавшемуся в выплате полного *куна*, как за убийство мужчины¹⁰.

Важно отметить, что при этом султаны казахских улусов не относили себя ни к одному из тюрко-монгольских племен, ни к одному из казахских жузов, не разделялись на колена. Они были только представителями правящей династии и продолжали составлять замкнутую сословную организацию еще в начале XX в.

Совсем по-другому сложилась этническая и политическая судьба кочевых родов и племен Монголии, которые в полном составе или отдельной частью переселились в эпоху великих завоеваний в западные улусы Монгольской империи. Точных статистических данных о численности монголов, поселившихся в Улусе Джучи, Чагатайском улусе и в государстве Хулагуидов, нет: разные исследователи приводят разные цифры¹¹. Уверенно можно утверждать лишь одно: в каждом из названных выше трех западных улусов оказалось несколько десятков тысяч монголов. С течением времени они приняли язык и веру народов покоренных ими стран и ассимилировались в их среде. Насколько известно, из потомков монголов, пришедших на запад при Чингиз-хане и его преемниках, только две небольшие группы сберегли свой язык до новейшего времени – это афганские монголы в составе хазарейцев и толмукгунцы в Кукунорской области. Данные источников позволяют исследователям сделать вывод о том, что особенно интенсивно процесс слияния монголов с местным населением и образования новых этнических общностей шел в Кипчакских степях.

Мы не будем рассматривать вопрос о влиянии монголов на строй местной жизни покоренных ими стран; эта проблема с той или иной степенью полноты рассмотрена в трудах академика В. В. Бартольда и других авторов. Для нашей темы достаточно отметить, что в политической жизни покоренных монголами стран довольно скоро и прочно укрепилась государственная идея, согласно которой хан – только Чингизид, т. е. право Чингизидов править, о котором говорилось выше, вошло в состав политического обычая, получило общее признание. В этом отношении весьма показательны, что даже в XIX в. в Средней Азии и Казахстане происхождению от Чингиз-хана и титулу *султан* придавалось такое же значение, как и происхождению от пророка Мухаммада и званию саййид. Об этом звании следует сказать особо.

Саййид – вождь, господин, глава (синоним – *шариф*: благородный, знатный). Саййидами в мусульманском мире называются потомки четвертого праведного халифа Али (правил в 656–662 гг.), женатого на Фатиме, дочери пророка Мухаммада. К женщинам прилагается термин *саййида* или *ситти* («моя госпожа»). Чингизиды признали саййидов «первенствующим сословием» уже в XIV в., когда в Улусе Джучи (Золотой Орде), Чагатайском улусе и в государстве Хулагуидов (Иран) ислам стал официальной религией. Саййиды составляли обособленную группу в социальной иерархии мусульманского общества и искони пользовались у верующих не только почетом, но и многими привилегиями. В сознании мусульман саййиды часто отождествлялись со святыми (*аулийа*). Саййиды считались главными носителями религиозных идей мусульманства и не подлежали смертной казни. Только они одни могли безнаказанно говорить всю правду мусульманским государям и даже укорять их за несправедный образ жизни. В «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» (нач. XV в.) рассказывается, что государь Золотой Орды Азиз-хан (правил в Сарае в 1360-х гг.) вел развратный образ жизни, за что подвергся упрекам саййида Махмуда. Хан прислушался к словам саййида, даже выдал за него свою дочь и выразил раскаяние, но через некоторое время вновь вернулся к прежнему образу жизни и был убит своими приближенными.

Саййиды брали себе жен из любой социальной группы, без различия, но неохотно выдавали своих дочерей за людей из другого слоя, так как потомки от такого брака, каково бы ни было их происхождение по мужской линии, приобретали все права и привилегии саййидов, потомков пророка Мухаммада. Честь быть саййидом ценилась так высоко и саййиды так мало были склонны допускать в свое сословие путем браков посторонних лиц, что бывали случаи, когда, например, среднеазиатские государи-нечингизиды XVIII–XIX вв. насильственно брали себе в жены девушек из первенствующего сословия, чтобы уже их потомки могли присоединить к своим титулам и почетным эпитетам высокое звание «саййид». Известно, например, что основатель династии Кунгратов в Хиве *инак* (высшее должностное лицо в стране) Ильгузер (в 1804 г. принял ханский титул, в 1806 г. погиб в войне с бухарцами), понимая, что по происхождению он ничем не отличается от других главарей дештских племен Хорезма и не имеет наследственных прав на престол, для упрочения своей династии решил взять в жены дочь одного из ургенчских саййидов, Ахта-ходжи. Саййид, узнав об этом, поспешил выдать дочь за своего племянника; тем не менее Ильгузер насильно перевез ее в свой гарем, отняв у молодого мужа¹².

Следующие разделы этой книги посвящены изучению властных отношений внутри Еке Монгол улуса, Золотой Орды, Чагатайского государства и их политических наследников – Моголистана, государства Тимура, Узбекских ханств и Казахского ханства. Чтобы ясно представлять себе эти властные отношения, необходимо дать краткие сведения о Ясе и биликах Чингиз-хана.

Образование Еке Монгол улуса в начале XIII в. вызвало необходимость выработки общих, закрепленных письменно правовых норм и законодательных уложений для управления государством. Для этой цели было приспособлено обычное право, подвергшееся кодификации

и изменениям, отвечавшим новым условиям. Свод законов и установлений получил название «Великая Яса», или просто «Яса», Чингиз-хана.

Яса (более полная форма *ясак*; монгольское – *дзасак*) означает «постановление», «закон». Яса Чингиз-хана – санкционированный Чингиз-ханом монгольский свод законов и установлений. Яса, как полагают, была принята на общемонгольском курултае в 1206 г., пересмотрена в 1218 г. и утверждена в окончательной редакции в 1225 г.

Наиболее подробные сведения о постановлениях Ясы мы находим у персидского историка XIII в. Джувайни и египетского писателя Макризи (ум. 1441–1442).

По словам Джувайни, Яса Чингиз-хана была написана уйгурским письмом на свитках (*тумар*) и называлась «Великою книгою ясы» (*йаса-наме-йи бузург*). Эти свитки хранились у наиболее авторитетных царевичей – знатоков Ясы. При вступлении нового хана на престол, при отправке большого войска, при созыве собрания царевичей для обсуждения государственных дел и их решений эти свитки приносили, и на основании их вершились дела. Яса не сохранилась в подлиннике и известна лишь в отрывках и сокращенных изложениях у Джувайни¹³, Рашид ад-Дина, Иоанна де Плано Карпини¹⁴, Вассафа, Ибн Баттуты, Григория Абу-л-Фараджа, Макризи и т. д.

На основании сохранившихся фрагментов можно полагать, что основной задачей постановлений Чингиз-хана было создание новой системы права, которая отвечала бы запросам и потребностям нового монгольского общества.

Соблюдение постановлений Чингиз-хана было обязательно не только для всех жителей империи, но и для самих ханов. Но Яса, конечно, нарушалась как жителями империи, так и самими Чингизидами. Это и понятно. Яса Чингиз-хана регламентировала лишь нормы кочевой жизни. В большинстве покоренных монголами стран, в частности в Средней Азии и Иране, где издревле существовала своя правовая традиция, подчинить население новому праву было чрезвычайно трудно. Правовая система монголов, выработанная на основе обычного права кочевников и преимущественно для кочевников, в иных условиях оказывалась крайне неудобной. Многие стороны социально-бытовой и общественной жизни оставались вовсе не регламентированы Ясой, а отдельные ее положения вступали в противоречие с мусульманским религиозным правом и обычаями местного населения. На этой почве возникали столкновения между блюстителями Ясы и местным населением, оборачивавшиеся, как правило, трагедией для последнего.

Вот как описывает Джувайни поступки Чагатая, главного блюстителя Ясы Чингиз-хана: «Свое окружение и подчиненных он так сдерживал страхом Ясы и своею расправою за ее нарушение, что в его правление кто бы ни проезжал поблизости от его войска, не нуждался ни в авангарде, ни в конвое и, образно говоря, если бы какая-либо женщина поставила себе на голову поднос золота и пошла бы одна, она бы ничего не боялась. Он издавал мелкие постановления, которые были невыносимы для мусульманского народа, например, вроде того, чтобы не резали скот на мясо [по-мусульманскому обычаю, но по-монгольскому]; чтобы днем не входили в проточную воду и т. п. Было разослано во все области постановление, чтобы не резали баранов [по-мусульманскому обычаю], и в Хорасане продолжительное время никто открыто не резал овец: он понуждал мусульман питаться падалью» (*Джувайни*, изд. Т. 1. С. 227).

Яса Чингиз-хана, которая возводила всякий проступок, даже простую человеческую халатность и неосторожность, в ранг преступления и предусматривала строгое наказание, вплоть до смертной казни, признается «чрезвычайно строгой» даже историком Монгольской империи Рашид ад-Дином (ум. 1318).

Однако не для всех Яса стала законом, нарушение которого влекло скорое и неукоснительное наказание. Это касалось прежде всего, конечно, Чингизидов. Чингиз-хан повелел, говорится в источнике: «Если кто-нибудь из нашего уруга единожды нарушит Ясу, которая утверждена, пусть его наставят словом. Если он два раза ее нарушит, пусть его накажут

согласно билику, а на третий раз пусть его сошлют в дальнюю местность Балджин-Кулджур. После того, как он сходит туда и вернется обратно, он образумится. Если бы он не исправился, то да определяют ему оковы и темницу. Если он выйдет оттуда, усвоив адаб (нормы поведения), и станет разумным, тем лучше, в противном случае пусть все близкие и дальние его родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить» (*Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 263–264).

И еще. В империи было немало людей из военной аристократии, которым сам Чингиз-хан и последующие монгольские ханы даровали титулы, награды и привилегии за их особые заслуги перед государем и государством. Такие привилегированные люди назывались тарханами. По словам Джувайни, привилегии тарханов заключались в следующем: 1) они были освобождены от всяких податей; 2) вся добыча, захваченная ими на войне или на охоте, составляла их полную собственность; 3) во всякое время они могли входить во дворец без разрешения; 4) они привлекались к ответственности только за девятое совершенное ими преступление (при этом, однако, имелись в виду только те преступления, которые влекли за собой смертную казнь); 5) во время пира тарханы занимали почетные места и получали по чарке вина (*Джувайни*, изд. Т. 1. С. 27).

С течением времени Чингизиды и военно-кочевая знать в западных улусах империи усваивали традиции мусульманской культуры и государственности, постепенно отходя от ограничений, предписанных Ясой. По словам Хамдаллаха Казвини, «у монголов нет обычая обитать в городах, и это противно Ясаку Чингиз-хана». Между тем именно это требование наиболее часто нарушалось самими Чингизидами как в улусе Чагатая, так и в улусах Джучи и Хулагу.

Период действия Ясы во всех монгольских улусах нам в точности неизвестен. В государстве Тимура (1370–1405) связанное с именем Чингиз-хана право чаще обозначалось старотюркским словом «туру», переделанным в «тура». Об отношении к Ясе Чингиз-хана в государстве Тимура при последних Тимуридах можно наглядно судить по следующим словам Бабура. «Прежде, – пишет он, – наши отцы и родичи тщательно соблюдали постановления (*тура*) Чингиз-хана. В собрании, в диване, на свадьбах, за едой, сидя или вставая, они ничего не делали вопреки тура. Постановления Чингиз-хана не есть непреложное предписание (Бога), которому человек обязательно должен следовать. Кто бы ни оставил после себя хороший обычай, этот обычай надлежит соблюдать; если отец издал хороший закон, его надо сохранить; если он издал дурной закон, его надо заменить хорошим» (*Бабур-наме*, изд. Мано, с. 291–291).

В восточных областях Чагатайского улуса, в Моголистане, основные положения Ясы сохраняли свой юридический статус еще в XV – начале XVI вв. И Джучиды Восточного Дешта и Кипчака – предводители узбеков и узбеков-казаков, – согласно сведениям источников, при решении многих важных дел поступали «по установлению Чингиз-хана». Некоторые статьи, главным образом уголовного характера, перешли в кодифицированное обычное право последующих веков, в частности в законы хана Тауке («Жети-Жаргы») – памятник права казахов XVII в.¹⁵

Теперь некоторые сведения о биликах Чингиз-хана.

Монголы заимствовали у китайцев обычай, по которому изречения ханов записывались и после их смерти издавались. Некоторые из изречений Чингиз-хана, которые называются в источниках тюркским слово *билиг* («знание»), приведены Рашид ад-Дином в разделе «О качествах и обычаях Чингиз-хана».

«Чингиз-хан сказал: „Народ, у которого сыновья не следовали биликам отцов, а их младшие братья не обращали внимания на слова старших братьев, муж не полагался на свою жену, а жена не следовала повелению мужа, свекор не одобрял невесток, а невестки не почитали свекров, великие не защищали малых, а малые не принимали наставлений старших, великие стояли близко к сердцам [своих] служителей и не привлекали на свою сторону [сердца] бывших вне их окружения, люди, пользовавшиеся [всеми] благами, не обогащали население страны и не

оказывали ему поддержки, пренебрегали обычаем и законом, соображениями разума и обстоятельства, и по этой причине [становились] противниками управителей государства: у такого народа воры, лжецы, враги и [всякие] мошенники затмевали солнце на его собственном стойбище, иначе говоря, его грабили, кони и табуны его не обретали покоя, а лошади, на которых, [идя в походы], выезжали передовые отряды, до того изнурялись, что, естественно, эти лошади падали, подыхая, сгнивали и превращались в ничто“. Вот такие неупорядоченные и безрассудные народы, как только взошло счастье Чингиз-хана, подчинились ему, и его чрезвычайно строгая яса водворила у них порядок: тех, кто были мудрыми и храбрыми, он сделал эмирами войска, а тех, кого он нашел проворным и ловким, поручив им стан (*угрук*), сделал заведующими табунами, невежд же, дав им плети, послал пасти скот. По этой причине дело его изо дня в день растет, словно молодой месяц, и с неба силою всевышнего Господа нисходит к нему божья помощь, а на земле с его помощью появляется благоденствие. Его летовки стали местом веселия и забав, а зимние стойбища бывали соответствующими и подходящими [своему назначению]. <...>

Еще он сказал: „Если великие люди [государства], бахадурь и эмиры, которые будут при многих детях государей, что появятся на свет после сего, не будут крепко держаться закона, то дело государства потрясется и прервется, будут страстно искать Чингиз-хана, но не найдут его!“.

Еще он сказал: „Только те эмиры туманов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингиз-хана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своем юрте и не внимают биликам, уподобляются камню, упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, и тот и другая бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников!“.

Еще он сказал: „Каждый, кто в состоянии содержать в порядке свой дом, в состоянии содержать в порядке и [целое] владение; каждый, кто может так, как это положено, выстроить к бою десять человек, достоин того, чтобы ему дали тысячу или туман: он сможет выстроить их к бою“.

Еще он сказал: „Каждый, кто может очистить от [зла] свое внутреннее, может очистить от воров [целое] владение“.

Еще он сказал: „Каждого эмира десятка, который не в состоянии построить к бою своего десятка, мы обвиним вместе с женой и детьми, а из его десятка выберем кого-нибудь в качестве эмира, и таким же образом мы [поступим с эмирами] сотен и тысяч и эмиром-темником“. <...>

Еще он сказал: „Мы отправляемся на охоту и убиваем много изюбрей, мы выступаем в походы и уничтожаем много врагов. Поскольку всевышний Господь указывает нам путь, это [нам] легко удается, люди же забывают это и видят здесь другое“» (*Рашид ад-дин*. Т. I. Кн. 2. С. 259–261).

Ряд исследователей XIX в., как, например, проф. И. Н. Березин и В. П. Васильев, по ошибке смешивали билики Чингиз-хана с положениями Ясы. Известный востоковед П. М. Мелиоранский в 1901 г. подверг билики Чингиз-хана специальному исследованию и установил, что разница между содержанием Ясы и биликами Чингиз-хана состояла в том, что в Ясе перечислялись и описывались разные проступки и преступления и указывались наказания, которым должно было подвергаться виновных, а в биликах определялся порядок следствия и судопроизводства в монгольском суде.

Иными словами, Яса представляла узаконенное предписание, которому должны были строго следовать Чингизиды и их подданные, а билики являлись своего рода процессуальным кодексом, согласно которому совершался суд над нарушителями Ясы – действующего закона.

Билики Чингиз-хана были предметом преподавания: Чингизиды и военная аристократия в начале и конце каждого года должны были собираться вместе и внимать биликам Чингиз-хана. Знание биликов высоко ценилось: в Китае один раз вопрос о престолонаследии был

решен в пользу того претендента, который обнаружил более основательное знание этих биликов.

Со времени Чингиз-хана существовал обычай, говорится в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, чтобы изо дня в день записывали слова хана, причем хан для этой цели часто говорил рифмованной прозой, «складно и со скрытым смыслом». Так что при каждом знатном Чингизиде был свой битикчи: у великого хана Угедея (ум. 1241) эту обязанность исполнял уйгур Чинкай, у улусного правителя Чагатая (ум. 1242) – китаец по прозванию «Везир». Однако о существовании записей биликов Угедея и Чагатая, насколько сейчас известно, нигде не говорится.

Глава 2

Право и сила в жизни кочевой империи

Август 1227 г. Стан монгольских воинов на территории Си Ся – государства тангутов в самой глубине Внутренней Азии. Ханский походный шатер, строго охраняемый гвардией – *кешиктенами*. Там, внутри шатра, окруженный группой приближенных, возлежит на ложе необычайно высокого для монгола роста, величественный человек с широким лбом и узкими глазами на скуластом лице. Это Чингиз-хан – повелитель мира, властелин вселенной, судия человеческих судеб. Несколько дней тому назад он почувствовал себя плохо и слег.

Ему за семьдесят. Но время, кажется, в тайном сговоре с ним. Правда, годы взяли свое: редкие волосы на голове и длинная борода хана – седые, обветренное широкое лицо – в морщинах. Но давно замечено, что человека старят не морщины, не седина; человека старят глаза, в которых погас огонь. У Чингиз-хана, даже смертельно больного, лукавый взгляд, то и дело в его «кошачьих глазах» (выражение мусульманского историка XIII в. Джузджани, который передает слова тех, кто видел хана при его вторжении в Хорасан в 617/1220–1221 г.) мелькают искринки. Но конец близок. Он чувствует это и, как всегда, сохраняет необыкновенное самообладание. Тут же, на смертном одре, он приказывает созвать совет и, перед своим отходом в подземное царство Эрлика, делает свое последнее духовное завещание.

Согласно «Тарих-и Джахан-гушай-и» Джувайни, Чингиз-хан умер 18 августа 1227 г. (в других источниках, как мусульманских, так и китайских, приводятся другие даты: 24 августа, 25 августа и т. д.). Останки Чингиз-хана были отправлены в Монголию и погребены. По древнемонгольскому обычаю, точное место погребения сохранялось в тайне. Одни говорят, писал ученый лама XVII в. Лубсан Данзан, что Чингиз-хан «был похоронен на Бурхан-Халдуне. Другие же говорят, что похоронили его на северном склоне Алтай-хана, или на южном склоне Кэнгэй-хана, или в местности, называемой Йэлэ-Утэк» (*Алтан тобчи*, с. 242). Тогда же, в XVII в., местом погребения Чингиз-хана признали Ихэ-Эджен-Хоро, в Ордосе, где стояли юрты якобы с останками Чингиз-хана. В 1956 г. на месте комплекса Ихэ-Эджен-Хоро был построен роскошный храм; ныне это доходный туристский комплекс и место поклонения¹⁶.

Чингиз-хан еще при жизни выбрал своего наследника. Насколько можно судить по источникам, он по меньшей мере дважды обсуждал это важное в политической жизни государства дело. Согласно рассказу анонимного автора «Сокровенного сказания», вопрос о наследнике престола первой поставила ханша Есуй (Есукат-хатун) перед походом Чингиз-хана на запад, т. е. летом 1219 г. В присутствии главных жен и сыновей, младших братьев и видных военачальников Есуй обратилась к государю: «Каган! Кто родился, тот не был вечным среди живых. Когда же и ты станешь падать, как увядающее дерево, кому доверишь народ свой, уподобившийся развеваемой конопле? Чье имя назовешь ты из четырех твоих витязями родившихся сыновей? Просим мы о вразумлении твоём для всех нас: и сыновей твоих и младших братьев, да и нас недостойных».

Чингиз-хан одобрил слова Есуй и сказал: «А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я-то заспался: будто бы никогда не похитит меня смерть! Итак, старший мой сын Чжочи, что скажешь ты? Отвечай!» (*Сокровенное сказание*, с. 97, 103).

И тут произошла пренеприятная семейная сцена, заставившая Чингиз-хана мыслями вернуться в далекое прошлое, в дни молодости, к обстоятельствам рождения своего первенца, Джучи.

В те бурные годы XII в. монгольские степи были объаты жестокой междоусобной войной. Воины враждебного племени меркит совершили внезапный налет на Бурхан, предали разграблению жилище Темучина и увели в полон его молодую жену Борте, которая как будто была

беременной. Впоследствии, когда ее освободили из плена, она родила сына, которого называли Джучи и который был признан старшим сыном Темучина. Тем не менее, однако, толки о происхождении Джучи не прекращались; по этой причине между ним и его младшими братьями часто случались препирательства, ссоры и несогласие (*Сокровенное сказание*, с. 97, 103; *Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 68–69; Т. 2. С. 64–65).

Теперь, когда речь шла о таком серьезном и трудном деле, как дело престола и царства, и Чингиз-хан предоставил первое слово Джучи, Чагатай, второй его сын, заявил: «Отец! Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику меркитского плена?». При этих словах Чжочи вскочил и, вцепившись в воротник Чагатаю, воскликнул: «Родитель государь пока еще не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя».

Джучи с Чагатаем ухватились за ворота, изготовясь к борьбе. Тут сподвижники Чингиз-хана, Боорчи-нойон и Мухали, насилу растащили разгорячившихся братьев. Чингиз-хан молчал. Тогда заговорил Коко-Цос. Объявив Чагатаю, что нехорошо оскорблять подозрениями свою мать, он произнес страстную речь в защиту Борте-хатун и закончил ее так: «Священная государыня наша светла душой – словно солнце, широка мыслию – словно озеро».

Затем обратился к сыновьям Чингиз-хан. «Как смеете вы, – гневно воскликнул он, – подобным образом отзываться о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!».

Чагатай признал свою неправоту, а после оба старших сына высказались за то, чтобы объявить наследником престола Угедея, и дали присутствующим твердое слово, что они оба, Джучи и Чагатай, будут парой служить младшему брату. Тогда Чингиз-хан обратился к Угедею, третьему своему сыну: «А ты, Огодай, что скажешь? Говори-ка». Угедей отвечал, что он «постарается осилить» трудное искусство править государством, а вот за своих потомков не ручается.

И наконец, слово было предоставлено Тулюю. «А я, – заявил самый младший из „четырёх кулуков“, – я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!».

Чингиз-хан одобрил слова Тулюя. Затем, обращаясь ко всем присутствующим на высоком собрании, он так закончил дискуссию о наследнике престола: «Мое наследие я поручаю одному» из своих сыновей; и назвал имя Угедея (*Сокровенное сказание*, с. 182–186).

Итак, на совете 1219 г., перед началом похода против хорезмшаха, было названо имя наследника престола и царства. Но то было еще не окончательное решение. Насколько можно судить по материалам мусульманских источников, впоследствии в уединении Чингиз-хан не однажды возвращался мыслями к вопросу о своем преемнике. Джучи, старший сын, был «горяч, чрезвычайно храбр, отважен, мужествен и воинственен» (*Джусуджани*. Т. 2. С. 1096; *История дома Чингисова*, с. 143); но он находился во враждебных отношениях со своими братьями и не мог обеспечить единство потомков Чингиз-хана. Чагатай, второй сын, был «умен и способен», но «крут и скрытен характером», никогда не допускал на своем лице улыбки и внушал подчиненным только ужас (*Сокровенное сказание*, с. 176; *История дома Чингисова*, с. 143; *Джусуджани*. Т. 2. С. 1104; *Джувайни*, изд. Т. 1. С. 226–232; *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 93–94).

В любом случае кандидатуры двух старших сыновей так или иначе отвергались и Чингиз-хан должен был сделать окончательный выбор между двумя младшими сыновьями. Но и здесь, по словам источника, «он колебался относительно передачи престола и ханства: време-

нами он помышлял об Угедей-каане, а иногда подумывал о младшем сыне Тулуй-хане». Был даже период, когда Чингиз-хан «имел в мыслях передать Тулую каанство и царский престол и сделать его наследником престола». Но в конце концов Чингиз-хан решил так: «Дело престола и царства – дело трудное, пусть им ведает Угедей, а всем, что составляет йурт, дом, имущество, казну и войско, которые я собрал, – пусть ведает Тулуй» (*Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 8, 107).

Об окончательном выборе своего преемника Чингиз-хан объявил незадолго до своей кончины. Вот краткое изложение обстоятельств этого дела, которое подробно освещается в сочинении Джувайни (закончено в 1260 г.) и во всеобщей истории Рашид ад-Дина (написана в 1300–1307 гг.).

По приведенному у Рашид ад-Дина рассказу, в начале весны года Собаки, соответствующего 623/1226 г., когда ханская ставка находилась в местности Онгон-Далан-кудук, Чингиз-хан видел сон, предвещавший его близкую кончину. Он вызвал к себе своих сыновей; прибыли Угедей и Тулуй. На следующий день, после завтрака, Чингиз-хан сказал своим военачальникам и сановникам, заполнившим его палатку, чтобы они на некоторое время удалились, и, оставшись с царевичами наедине, дал им много советов и наставлений, которые закончил следующими словами: «О дети, остающиеся после меня, знайте, что приблизилось время моего путешествия в загробный мир и кончины! Я для вас, сыновей, силою господнею и вспоможением небесным завоевал и приготовил обширное и пространное государство, от центра которого в каждую сторону один год пути. Теперь мое вам завещание следующее: будьте единого мнения и единодушны в отражении врагов и возвышении друзей, дабы вы проводили жизнь в неге и довольстве и обрели наслаждение властью!». Затем он сделал Угедей-каана наследником и, покончив с завещанием и наставлениями, повелел: «„Идите во главе государства и улуса, являющихся владением покинутым и оставленным. Я не хочу, чтобы моя кончина случилась дома, и я ухожу за именем и славой. Отныне вы не должны переиначивать моего веления. Чагатая здесь нет; не дай бог, чтобы после моей смерти он, переиначив мои слова, учинил раздор в государстве. Теперь вам следует идти!“». Так он закончил эту речь на этом тайном совещании, затем, попрощавшись с ними обоими, отправил их назад, послав в государство и улус начальствовать, сам же с войском направился в сторону Нангяс» (*Рашид ад-Дин*. Т. 1. Кн. 2. С. 231–232, 258; Т. 2. С. 109).

Другая версия завещания Чингиз-хана выглядит так. Согласно Джувайни, во время похода в страну тангутов Чингиз-хана настигла серьезная болезнь. Он вызвал к себе своих сыновей – Чагатая, Угедея, Тулуя, Кулкана, а также Джурчитая, Орчана (по другим источникам, два последних сына умерли до 1226 г.) – и объявил им, что назначает своим преемником Угедея. Угедей отличается твердой волей и здравым рассудком, продолжал Чингиз-хан, и он надеется, что эти качества обеспечат государству целостность и процветание. Затем Чингиз-хан потребовал от своих детей, чтобы они дали письменное обязательство, что после смерти отца согласны признать ханом Угедея, будут выполнять все его распоряжения и что не переиначат это завещание. Все братья Угедея сделали такое письменное заявление. Тем временем болезнь владыки стала усиливаться, продолжает Джувайни, и четвертого рамазана 624 года хиджры (18 августа 1227 г.) Чингиз-хан скончался (*Джувайни*, изд. Т. 1. С. 142–144; пер., Т. 1. С. 180–183).

Нет надобности выделять расхождения в сообщениях Джувайни и рассказах Рашид ад-Дина; для внимательного читателя они очевидны сами собой. Важно то, что Чингиз-хан, согласно обоим историкам, подтвердил политическое завещание о назначении своим преемником царевича Угедея незадолго до своей кончины. Однако то, что имело место после смерти Чингиз-хана – междуцарствие, – требует разъяснения, ибо, как будет показано дальше, междуцарствие наступало и после смерти других великих ханов, первых преемников Чингиз-хана, и обычно продолжалось несколько лет.

Дело в том, что власть нового суверена могла быть признана законной, только если она подтверждалась авторитетным решением *курултая* – общего собрания представителей дома Чингиз-хана и военачальников. Именно на *курултае* политической и военной элиты страны совершался акт торжественного провозглашения хана, принятия присяги и т. п. На подготовку же всемонгольского *курултая* уходило немалое время. И тогда наступало междуцарствие. На время после смерти хана и до созыва *курултая* назначался временный правитель государства – регент.

Согласно известиям как мусульманских, так и китайских источников, первым по времени регентом в государстве монголов стал царевич Тулуй (*Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 109; *История дома Чингисова*, с. 143). Оно, конечно, и понятно. Тулуй был самым младшим из «четырех кулуков» Чингиз-хана и после смерти отца, согласно его распоряжению, получил в наследство «коренной йурт, который состоял из престольного города и великих станом Чингиз-хана», а также все его имущество и казну¹⁷. Именно по приглашению Тулуя, как главы коренного йурта и ставок Чингиз-хана, со всех концов обширной империи съезжались в Монголию принцы и принцессы, гражданские управители и военачальники, чтобы отдать последний долг основателю империи.

После похоронных церемоний, когда были исполнены обряды оплакивания и останки Чингиз-хана преданы земле, когда другие братья и царевичи разъехались каждый в свой йурт, Тулуй занялся заботами правления государством. Подробности его деятельности в качестве временного правителя *Еке Монгол улуса* в источниках не освещаются. Однако известно, что Тулуй так вошел в роль регента, что неохотно, лишь под давлением министра Елюй Чу-цай¹⁸, согласился созвать *курултай*. Согласно монгольской хронике 1240 г. и «Юань ши», *курултай* царевичей, на котором они подняли на ханство царевича Угедея, состоялся в год Мыши (1228 г.) в Керуленском Кодеу-арале. По словам Рашид ад-Дина, после смерти Чингиз-хана «около двух лет престол пустовал и государству недоставало государя»; лишь затем занялись подготовкой великого *курултая*, который состоялся наконец-то в 1229 г. Эта дата принята многими исследователями.

Таким образом, период первого междуцарствия, когда регентствовал царевич Тулуй, длился не менее полутора лет; и все это время в государстве соблюдался порядок, что имеет для нашей темы важное значение.

Итак, после некоторого промедления воля основателя монгольской династии Чингиз-хана все же была исполнена: согласно его завещанию, наследный принц Угедей при всеобщем одобрении царевичей, других ближайших своих родичей и военачальников вззошел-таки на престол. Первый преемник Чингиз-хана правил лет двенадцать-тринадцать. Как отметил В. В. Бартольд, «разницу между царствованием Чингиза и Угедея и характер намерений последнего понимали даже сами монголы; в монгольском сказании Угедею приписываются слова: „Наш царь Чингиз с большими трудами создал царский дом. Теперь пора доставить народам мир и довольство и не отягощать их“. Это стремление умиротворить страну и защитить мирных жителей от притеснений и поборов было причиной главных мер Угедея – учреждения должности *таньмачи*, установления нормы податей и учреждения почты»¹⁹.

При Угедее были осуществлены обширные завоевания на Дальнем Востоке (Северный Китай, Корея) и в Восточной Европе, так что в год смерти великого хана (1241) западная территория Монгольской империи простиралась до устья Дуная.

Все исторические источники прославляют нравственные качества первого преемника Чингиз-хана и с восторгом говорят о его великодушии, кротости, справедливости и щедрости. Но Угедей имел, однако, весьма существенный недостаток: он был горьким пьяницей и страдал запоями, особенно в последние годы жизни. Угедея неоднократно увещевали, но хан не слушал советов; тогда однажды министр Елюй Чу-цай, показывая Угедей-хану железный ободок, про-

ржавевший от вина, сказал: «Это железо, будучи вином изъедено, приняло такой вид. Что же сказать о пяти чревах человека?» (*История дома Чингисова*, с. 286). После этого монгольский государь несколько уменьшил меру потребления вина. Но ненадолго. Вино и положило конец жизни Угедей-хана: он умер пьяным после очередного кутежа. Это случилось в ночь с десятого на одиннадцатое декабря 1241 г. (*Джувайни*, изд. Т. 1. С. 158; *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 43).

В Монгольской империи вновь наступило междуцарствие. На этот раз временной правительницей государства стала Туракина-хатун, одна из главных жен великого хана Угедея. По словам Джувайни, Туракина приняла регентство над царством с согласия Чагатая и других царевичей, которые будто бы объявили, что правительницей на период междуцарствия должна быть назначена мать старших сыновей покойного хана (*Джувайни*, изд. Т. 1. С. 196; пер. Т. 1. С. 240). Рашид ад-Дин приводит иную версию ее прихода к власти. «Когда Угедей-каан скончался, – пишет он, – его старший сын Гуюк-хан еще не воротился из похода в Дешт-и Кипчак, вскоре умерла и Мука-хатун (старшая жена Угедея). И Туракина-хатун, которая была матерью старших сыновей, ловкостью и хитростью, без совещания с родичами, по собственной воле захватила власть в государстве, она пленила различными дарами и подношениями сердца родных и эмиров, все склонились на ее сторону и вошли в ее подчинение» (*Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 114–115).

По одной версии, Туракина-хатун происходила из племени меркит; по другой – она была только женой главы племени меркит и была взята в плен во время покорения меркитов Чингиз-ханом, который отдал ее в жены своему сыну Угедею. Туракина была некрасивой, властолюбивой и мстительной женщиной. Еще во времена Угедей-хана она была недовольна некоторыми из государственных мужей и придворных и в душе ненавидела их. Теперь, когда порфиросная вдова хитростью и ловкостью стала полновластной правительницей монгольской державы, она смогла воздать каждому по заслугам. В резиденции регентши пышным цветом расцвели интриги и произвол.

В начальные годы регентства Туракины все дела при ней вершили персиянка Фатима, наперсница ханши, и мусульманский министр Абд ар-Рахман. Главному из выдающихся государственных деятелей прошлого царствования, мусульманину Махмуду Ялавачу, управителю Китая, и уйгуру-христианину Чинкаю (по «Юань ши», он был из монгольского племени керейт), главе гражданского управления империи, удалось спасти свою жизнь только благодаря великодушию монгольского царевича Кутана. На требование Туракина-хатун выдать беглецов Кутан, по словам Джувайни, ответил так: «Птичка, ищущая убежища от когтей сокола, в траве находит спасение; они прибегли ко мне, выдать их было бы противно чести и великодушию»²⁰. Государственный министр Елюй Чу-цай – главный советник, инициатор и проводник административных, финансовых и прочих реформ Угедей-хана – был лишен власти и умер в 1243 г. вблизи Каракорума, столицы Монгольской империи²¹. А эмир Масуд-бек, который был наместником великого хана в Восточном Туркестане и Мавераннахре, увидев такие дела, не счел за благо оставаться в своей области и отправился в Кипчакские степи, к Бату, ища у него убежища. Постепенно Туракина сместила всех вельмож прошлого царствования (*Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 116–117). По слухам, Туракина-хатун отравила великого князя Ярослава во время его пребывания в Каракоруме в 1246 г. Вот что пишет об этом свидетель происшествия, папский посол Иоанн де Плано Карпини: «В то же самое время умер Ярослав, великий князь в той части Руссии, которая называется Суздаль. Лишь только он был приглашен к матери императора, которая дала ему еду и питье из своих рук, будто бы оказывая ему уважение, как, вернувшись на гостевое подворье, он неожиданно заболел и умер спустя семь дней. И все тело его удивительным образом приобрело зеленоватый оттенок. Поэтому все уверовали в то, что

он был отравлен с тем, чтобы свободно и в полной мере завладеть его землей» (LT, IX. 37)³. Князь Ярослав был союзником Бату в соперничестве последнего с царевичем Гуюком.

Разрешение вопроса о престолонаследии и, как следствие этого, междуцарствие затянулись на пять долгих лет. Угедей-хан имел семь сыновей (Гуюк, Кутан, Кучу, Корачар, Каши, Кадан, Мелик), двое из них родились от наложницы по имени Эркинэ. Угедей-хан, по примеру своего отца, еще при жизни выбрал в качестве наследника престола третьего своего сына Кучу, который был «очень умным и явился на свет баловнем судьбы». Но в 633/1235–1236 г. царевич Кучу умер во время похода в Южный Китай. Тогда выбор хана остановился на старшем сыне умершего Кучу, Ширамуне, который «был очень одарен и умен», хан воспитывал его в своей ставке (*Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 9, 11, 36, 118; *История дома Чингисова*, с. 287).

Однако, когда великий хан Угедей скончался, объявилось сразу несколько претендентов на престол, причем каждый из них обосновывал свои права на власть как единственно законный наследник и каждый имел своих приверженцев. Так, какая-то часть царевичей и военачальников поддерживала Ширамуна, наследника по завещанию покойного хана. Другая группа Чингизидов была за второго сына Угедей-хана, Кутана, который заявил свои права на верховную власть на том основании, что сам Чингиз-хан будто бы завещал, что после Угедея престол перейдет к нему, к Кутану (*Джувайни*, изд., Т. 1. С. 206). Туракина-хатун и ее придворное окружение выставили кандидатуру Гуюка, мотивируя свой выбор тем, что он – старший сын умершего Угедей-хана. Когда, таким образом, в дела престола и царства проникла смута, младший брат Чингиз-хана Отчигин-нойон в 1242 г. «захотел военной силой и смелостью захватить престол». Но попытка оказалась неудачной, и по-прежнему «ханский престол находился под властью и охраной Туракина-хатун» (*Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 116–117).

Согласно сведениям Рашид ад-Дина, Туракина-хатун была матерью пятерых старших сыновей Угедей-хана, т. е. Гуюка, Кутана, Кучу, Корачара, Каши, и, таким образом, приходилась Ширамуну, сыну Кучу, бабушкой. Однако такая именно родственная связь между тремя претендентами на престол с временной правительницей в свете их взаимоотношений вызывает сомнения. Судите сами. В смутное время второго междуцарствия претендент на престол великодушный царевич Кутан вдруг, в расцвете лет и сил, занемог и умер, «околдованный» Фатимой, наперсницей Туракина-хатун; впоследствии, когда был провозглашен новый хан, Фатиму судили за это и другие ее злодеяния, признали виновной и, завернув в кошму, бросили в воду. Показательно и другое. В начавшейся борьбе за престол, в ходе которой одного из претендентов (Кутана) постигла смерть, Туракина-хатун с самого начала столь же рьяно выступала против умного и доброго наследного принца Ширамуна, сколь ревностно поддерживала и продвигала кандидатуру Гуюка, который отличался свирепым характером.

В свете приведенных данных кажется правдоподобным предположение китайского исследователя Гэ Шао-миня, согласно которому Туракина была матерью только Гуюка, а остальные сыновья Угедея были от других женщин. Во всяком случае, допущение, что Гуюк – единственный родной сын Туракина-хатун, объясняет поведение временной правительницы, которая, поступая наперекор последней воле покойного супруга и сея смуту в «семье Чингиз-хана», в конце концов посадила на ханство именно Гуюка, который страдал хронической болезнью.

Вот заключительная формула отказа престола Ширамуну и возведения на престол Гуюка: Ширамун, наследник по завещанию Угедея, – еще «не достиг зрелого возраста»; царевич Гуюк – старший сын покойного хана (*Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 80, 119).

Гуюк был избран великим ханом на курултае в конце июля 1246 г. Туракина-хатун сумела так организовать дела Гуюка, что большинство собравшихся было согласно на передачу хан-

³ Eodem tempore mortuus fuit Ierozlaus, dux magnus in quadam parte Ruscie que Susdal nominatur. Hic modo fuit vocatus ad matrem imperatoris, que dedit ei manducare et bibere, quasi pro honore de manu ipsius; et reversus est ad hospitium, incontinenti est infirmatus, et fuit mortuus post septem dies, et totum corpus eius miro modo factum est glaucum. Quare credebatur ad omnibus quod potionatus esset ibidem, ut suam terram libere et plenarie possiderent (LT, IX. 37).

ского достоинства ее старшему сыну, а на курултай прибыли царевичи всех ветвей рода Чингиз-хана. Правда, глава Улуса Джучи Бату, личный враг Гуюка, сам не приехал на курултай, ссылаясь на телесный недуг, но зато прислал пять своих братьев, в их числе Орда-Ичена, который после смерти Чагатая в 1242 г. был по возрасту самым старшим представителем царствующего рода.

Спустя два-три месяца после августовского курултая 1246 г. Туракина-хатун скончалась.

По словам Джувайни, у Гуюка были «грубые манеры и вид, внушающий ужас и оцепенение»; Рашид ад-Дин говорит, что приближенные хана Гуюка боялись сделать шаг в его присутствии и никто не смел доложить ему о каком-нибудь деле, не будучи спрошен (*Джувайни*, изд., Т. 1. С. 213)²²²³. Подробные сведения о характере Гуюка сообщает Иоанн де Плано Карпини, встречавшийся с ханом после коронации: «Самому же императору, возможно, было сорок или сорок пять лет или чуть больше; роста он был среднего; чрезвычайно рассудительный, невероятно хитрый с очень тяжелым и суровым характером. „Никто никогда не видит его непринужденно смеющимся либо совершающим легкомысленный поступок“, – говорили нам христиане, которые постоянно с ним пребывают» (LT, IX. 43)⁴.

Раз мы начали говорить о природных качествах и нравах нового великого хана, то к сказанному выше следует добавить, что Гуюк, как и его отец Угедей, был алкоголиком, тратил дни и ночи на пьянство и разврат и скончался 43 лет от роду весной 1248 г. Гроб с телом Гуюка перенесли в долину Эмиля (река на Тарбагатае, в северо-восточной части нынешнего Казахстана), где была его коренная ставка, и предали земле.

Чингиз-хан завещал своим детям согласие и единодушие. Но уже вскоре после смерти основателя монгольской династии в его роде появились распри и возникли враждующие между собой группы. Как отметил В. В. Бартольд, со ссылкой на монгольское сказание (1240 г.), против Гуюка и всего потомства Угедея выступала сильная партия монгольской аристократии, склонявшаяся на сторону первого регента Монгольской империи Тулуя (ум. 1233) и его сыновей. В конце тридцатых годов XIII в., во время похода монголов в глубь Европы, в «золотом роде» Чингизидов произошел новый раскол: Бату, глава Улуса Джучи, смертельно поссорился с Гуюком, старшим сыном великого хана Угедея, и царевичем Бури, внуком Чагатая, сыном Мутугена от служанки. В «Сокровенном сказании» эта ссора Чингизидов описана так (приводим отрывок из источника в переводе Н. П. Шастиной): «Когда войско возвратилось, то был устроен пир, на котором присутствовали все князья. Будучи старшим, я (рассказывает Бату) одну или две чаши вина выпил раньше других. Бури и Гуюк рассердились, покинули пир и, садясь верхом на своих лошадей, бранили меня в то же время. Бури сказал: „Бату не выше меня, почему он пьет раньше меня? Это старая баба с бородой. Одним ударом я могу опрокинуть его наземь“. Гуюк сказал: „Он старая баба с луком и стрелами. Я прикажу избить его палкой!“. Другой предложил привязать мне деревянный хвост».

Эта пьяная ссора обошлась недругам Бату очень дорого: потомству Гуюка она стоила царства, а царевичу Бури – жизни; впоследствии, при Менгу-хане (правил в 1251–1259 гг.), Бури был выдан оскорбленному им Бату и по его приказу казнен. Но все по порядку.

Согласно сведениям Джувайни и Рашид ад-Дина, когда наступил новый (1248) год, великий хан Гуюк заявил о своем желании отправиться в свой родовой удел на Эмиле, где климат будто бы был более благоприятен для его слабого здоровья. Весной, когда погода склонилась к теплу, он со своим войском выступил в те пределы. Соркуктани-бики, вдова Тулуя, отправила нарочного и предупредила Бату, главу Улуса Джучи, что великий хан имеет против него враждебные намерения. Бату выступил во главе большого войска против Гуюка. Однако встреча

⁴ Iste autem imperator potest esse quadraginta vel quadragintaquinque annorum aut plus, mediocris est stature, prudens est valde, et astutus nimium et multum serius, et gravis in moribus; nec unquam videt homo eum de facili ridere vel facere aliquam levitatem, sicut nobis christiani dicebant qui assidue morantur cum eo (LT, IX. 43).

двух враждующих Чингизидов на поле боя не состоялась: через несколько переходов, еще в пределах самой Монголии, Гуюк-хан умер. Это известие застало Бату в Алакамаке, в семи днях пути от города Каялыка (т. е. в южной части Семиречья, около гор Ала-Тау). Когда после исполнения обрядов оплакивания останки Гуюк-хана были преданы земле, Бату созвал к себе, в Алакамак, царевичей для совещания о престолонаследии (*Джувайни*, изд. Т. 1. С. 215–218; пер. Т. 1. С. 260–263; Т. 2. С. 557; *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 121–122).

Почему именно Бату? Дело в том, что Бату в то время пользовался наибольшим авторитетом и занимал главенствующее положение в роде Чингизидов. Хотя его старший брат Орда-Ичен был еще жив, тем не менее считалось, что «Бату всем царевичам старшой (*ака*)» (*Джувайни*, пер. Т. 2. С. 557). Именно поэтому, сообщает, в частности, Джузджани в своем «Табакат-и Насири», после кончины великого хана Гуюка все съехавшиеся для решения вопроса о престолонаследии царевичи (кроме сыновей Чагатая, которые потребовали царство себе) согласились возвести на престол Бату и обратились к нему с таким предложением: «Тебе следует быть царем нашим, так как из рода Чингиз-хана нет никого главнее тебя; престол и корона и владычество прежде всего твои». Бату ответил: «Мне и брату моему Берке принадлежит уже в этом крае (т. е. в Дешт-и Кипчаке) столько государств и владений, что распорядиться им, краем, да вместе с тем управлять областями Китая, Туркестана и Ирана невозможно. Лучше всего вот что: дядя наш Тули, младший сын Чингиз-хана, умер в молодости и не воспользовался царством, так отдадим царство сыну его и посадим на престол царский старшего сына его, Менгу-хана. Так как на престол посажу его я, Бату, то на самом деле владыкой буду я» (*Джузджани*. Т. 2. С. 1172, 1177–1181).

Ретроспектива этих событий в восприятии армянского историка Киракоса Гандзакеци такова: «Он очень усилился, возвеличился над всеми и покорил всю вселенную, обложил данью все страны. И даже его сородичи почитали [Бату] больше всех остальных, и тот, кто царствовал над ними (коего они величают ханом), садился на престол по его приказу. Случилось умереть Гиуг-хану. В царском их роде началась распря о том, кому сесть на престол. И все нашли, что он достоин сесть [на престол] или же станет царем тот, кого пожелает [Бату]. И пригласили его приехать из северных стран на родину свою, чтобы царствовать над всеми. Он отправился утвердить свою власть, а во главе войска оставил своего сына по имени Сартах. Поехав же, не сел на трон царский, а назначил [вместо себя] одного из своих сородичей, по имени Мангу, а сам возвратился к войску своему» (*Киракос Гандзакеци*. 55).

А вот как в «Юань ши» описывается встреча царевичей и военачальников после смерти Гуюка. Бату первым подал голос о возведении Мунке, старшего сына Тулуя от его старшей жены Соркуктани, на ханский престол. Но тут встал эмир Бала, посланник вдовы Гуюка, ханши Огул-Каймыш, и сказал: «Некогда Угедей завещал, чтобы после него внук его Шилмынь (Ширамун) наследовал престол, что всем князьям и чинам известно. Ныне Шилмынь находится еще в живых, но выбор обращен на других: каким же останется Шилмынь?» Тогда выступил Мугэ, младший брат Мунке, и так возразил на замечание Бала: «Правда, было завещание Угедеево и кто посмеет противоречить оному? Но на прошлом съезде выбор Гуюка произведен ханшею Толи-гайхана и вами. Итак, в то время вы сами нарушили помянутое завещание Угедеева; теперь кого же хотите обвинять в том?». Бала ничего не мог ответить на это. Тогда слово взял Улан-хада и сказал: «Мунке разумен и проницателен; это всем уже известно; мнение князя Бату очень справедливо». Все поддержали это предложение. Бату немедленно отдал приказ войскам. «Войска были согласны с ним, и сим образом утвержден выбор» (*История дома Чингисова*, с. 305–306, 309).

Приведем теперь сообщения Джувайни и Рашид ад-Дина о встрече царевичей в Алакамаке в 1248 г. По призыву Бату в Алакамак (около гор Ала-Тау к югу от Или) со всех концов обширной империи съехалось великое множество царевичей, их родичей и вельмож. Некоторые из сыновей Чагатая и Угедеева под разными предложениями на собрание не явились; не явилась и

вдова Гуюка Огул-Каймыш, а ее сыновья, Коджа и Наку, только два дня пробыли в Алакамаке, но оставили там для переговоров вельможу Тимур-Кадака, уполномочив его присоединиться к какому бы то ни было решению царевичей. Все оставшиеся царевичи засвидетельствовали Бату, как самому главному в роде Чингизидов, свое уважение и готовность подчиниться его решению в вопросе о наследовании престола и регенте.

Бату остановил свой выбор на Мунке (по-тюркски Менгу), старшем сыне Тулуя. Мунке, сказал Бату в своей речи на съезде царевичей, «видел своими глазами и слышал своими ушами Ясу и ярлык Чингиз-хана»; к тому же он видел добро и зло в этом мире, во всяком деле отдавал горького и сладкого, неоднократно водил войска в разные стороны на войну; этот царевич умен и даровит и подготовлен к царствованию. «При наличии его, – продолжал Бату, – каким образом кааном станет кто-либо другой? Тем более что дети Угедей-каана поступили вопреки словам отца и не отдали власти Ширамуну и, преступив древний закон и обычай, не посоветовавшись с родичами, ни за что убили младшую дочь Чингиз-хана, которую он любил больше всех своих детей и называл Чаур-сечен. По этой причине каанство им не подобает».

Свою речь Бату закончил так: «Благо улуса, войска и наше, царевичей, заключается в том, чтобы посадить Мунке на каанство». Все царевичи выразили одобрение и заключили письменное соглашение в том, чтобы посадить царевича Мунке на престол. Также было решено великий курултай устроить в следующем году, а на время междоцарствия ведение государственных дел поручить вдове Гуюка, Огул-Каймыш-хатун. Когда царевичи стали разъезжаться по своим станам и йуртам, Бату послал вместе с Менгу своего брата Берке и своего старшего сына Сартака с тремя туманами (тридцатью тысячами) войска, дабы они в местности Онон и Керулен, которая была коренным йуртом Чингиз-хана, весной нового, 1249 г. в присутствии всех царевичей, устроив курултай, торжественно посадили его на царский трон. Они отправились в путь. И Бату отправился в путь, в Поволжье, прибыл в свою орду и, по обычаю, предался веселью и забавам (*Джувайни*, изд. Т. 1. С. 217–221, 223; пер. Т. 1. С. 262–266; Т. 2. С. 557–561; *Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 80–81, 129–130).

Потомки Угедая (за исключением нескольких царевичей) и большая часть чагатайских царевичей категорически отказались признать решение Бату о передаче ханства дому Тулуя, стали строить козни и препятствовать устройству курултая. «Вы, царевичи, – жаловалась, в частности, вдова Гуюка, Огул-Каймыш-хатун, – на прошлом курултае обещали и дали обязательство в том, что царская власть всегда будет принадлежать дому Угедей-каана и что никто не будет противодействовать его сыновьям, а теперь вы не держите слова». Действительно, на курултае в 1246 г. имел место такой эпизод. После обсуждения все согласились возвести Гуюка на престол, а он, как это обычно бывает, отказывался, перепоручая это каждому царевичу, и ссылался на болезнь и слабость здоровья. Затем Гуюк сказал: «Я соглашусь на том условии, что после меня ханство будет утверждено за моим родом». Все единодушно дали письменную присягу: «Пока от твоего рода не останется всего лишь кусок мяса, завернутого в жир и траву, который не будут есть собака и бык, мы никому другому не отдадим ханского достоинства» (*Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 119, 138).

Обращение вдовы Гуюка и ее сыновей к царевичам и военачальникам положительных результатов не возымело; тогда они и их сторонники замыслили вероломство. Передача престола и царства дому Тулуя не состоялась ни в 1249, ни в 1250 г. Весной 1251 г. царевич Берке, все еще остававшийся в Монголии, извещал своего старшего брата Бату: «Прошло два года, как мы хотим посадить на престол Менгу-каана, а потомки Угедей-каана и Гуюк-хана, а также Йису-Менгу, сын Чагатая, не прибыли». Ответ Бату был строг и лаконичен: «Ты его посади на трон, всякий, кто отворачивается от Ясы, лишится головы» (*Рашид ад-Дин*. Т. 2. С. 131).

Согласно Джувайни, лишь в июле 1251 г. Берке удалось собрать курултай, на котором и состоялось торжественное провозглашение ханом царевича Мунке.

Таким образом, третье междуцарствие продолжалось больше трех лет и закончилось своеобразным переворотом: верховная власть в Монгольской империи перешла от потомства Угедея к потомству Тулуя.

Новая ситуация нашла наглядное выражение в расположении хана и его подданных на первом пиру после коронации Мунке-хана. «Государь мира сидел на троне, по правую его руку – царевичи, стоявшие толпой, точно созвездие Плеяд, и семь его высокопоставленных братьев чинно стояли перед ним, по левую руку сидели жены, подобные райским девам, а серебряногие кравчие [принесли] жбаны с кумысом и вином и обносили [всех] кубками и чарами; [далее] нойоны и эмиры, а впереди них Мункасар-нойон покорно стоял между телохранителями, [далее] – битикчи, везиры, хаджибы и найбы, а впереди них – Булга-ака, [все] по своим степеням и должностям стояли, построившись в ряд. Прочие же эмиры и приближенные стояли снаружи приемного шатра чинно, каждый на своем месте» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 133).

Сразу же после торжества по случаю избрания нового хана последовал грандиозный процесс над царевичами из рода Угедея и Чагатая, которым было предъявлено обвинение в заговоре с целью убить Мунке. Семьдесят семь вельмож были казнены; род Угедея и род Чагатая подверглись жестоким репрессиям: почти все взрослые представители потомства обоих родов были уничтожены или отправлены в отдаленные области, где некоторые из них, как, например, царевич Ширамун, потом были тайно умерщвлены. Формально Улус Чагатая и Улус Угедея не были уничтожены, и там продолжали управлять представители этих домов, но в действительности вся власть в империи монголов перешла к домам Тулуя и Джучи²⁴²⁵.

Из других общеимперских событий времени правления великого хана Мунке (правил в 1251–1259 гг.) отметим отправку, согласно решению курултая 1251 г., двух больших армий для завоевания всех оставшихся еще не завоеванными монголами земель на Ближнем и Дальнем Востоке: в Китай под руководством Хубилая и в Иран под главенством Хулагу, младших братьев Мунке-хана. В частности, Хулагу завоевал в течение 1256–1257 гг. Иран и, уничтожив в 1258 г. династию Аббасидских халифов с центром в Багдаде, создал особый монгольский улус, правители которого приняли титул *ильханов* («хан племени»).

По словам Вильгельма де Рубрука, совершившего путешествие в Монголию в 1253–1255 гг. и проведшего немало времени в ханской ставке, Мунке «был человек курносый, среднего роста, в возрасте сорока пяти лет». Он, как и многие другие представители «золотого рода», страстно предавался любовным утехам и наслаждению вином и всякий раз устраивал в своем дворце попойки и кутежи. По одной из официальных версий, он умер от болезни. Мунке отправился на войну в Китай; когда он осаждал там одну крепость, то «с наступлением и усилением жары у него из-за тамошнего климата начался кровавый понос и среди войска монголов появилась холера, так что многие из них умерли. Государь мира употреблял вино против холеры и проявлял в том большое постоянство». Неожиданно ухудшилось состояние его здоровья, болезнь привела к кризису, и он скончался под той злосчастной крепостью (*Рашид ад-Дин*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.